

Я стою на набережной. За моей спиной неповторимый город Яффо. Древнейший порт Средиземноморья. Мы произносим слово «древность» и одно уже это слово вызывает в душе трепетное почтение. Любой экскурсовод с удовольствием расскажет вам три легенды, связанные с этим городом. Здесь праведник Ной по велению Бога построил свой ковчег, на котором люди и животные спаслись во время великого потопа. Здесь была прикована к скале прекрасная Андромеда, дочь царя Кефея, принесенная в жертву страшному морскому чудовищу. Она должна была искупить вину своей матери Кассиопеи, неуместно похвалявшейся, что красотой превосходит морских нимф. За это разгневанные и довольные-таки завистливые нимфы наслали гигантскую рыбу. Мерзкое чудовище приближалось, раскрывая свою жуткую жаждную пасть. Несчастная Андромеда лила слезы, ее длинные волосы развевались на ветру, великодушное беломраморное тело металось, безуспешно стараясь освободиться, когда появился Персей. Он убил рыбу, спас красавицу и в награду на ней женился.

И именно отсюда пророк Иона отправился в путь, не выполнив Божье поручение, за что в море корабль был застигнут сильнейшим штормом. По жребию Иона был выброшен в море, и его проглотила огромная рыба. Три дня и три ночи провел Иона внутри кита, прося прощения за свое непослушание, а затем, прощенный, был выплюнут китом назад, на берег Яффо.

Я стою спиной к городу. На землю опускается вечер. Неслышно двигаясь по совершенно бордовому небу, оранжево-красный шар солнца тонет в море. Темные волны Средиземного моря, медленно перекатываясь, кажутся тяжелыми, словно это не вода, а масло, и странно, что они не шипят, когда раскаленный шар касается их поверхности.

Это море, эта надвигающаяся ночь дышит вечностью. Медленно поворачиваюсь к древнему городу. И в это время, если вы, конечно, человек с воображением, легко можете представить себе что-то необычное, фантастическое, загадочное, необъяснимое.

Двое молодых, лет двадцати пяти, мужчин, увлеченно разговаривая и по-южному темпераментно жестикулируя, шли по вымощенной камнями улице старого Яффо в сторону блошиного рынка, или, как говорят в Израиле, шук-а — пишпишим.

Одного из них звали Бенья. Он был высок ростом, строен, белокож и, как все люди, обладающие такой кожей, сразу на израильском солнце начинал не загорать, а краснеть. Рыжеватые, коротко стриженные волосы открывали высокий выпуклый лоб, казавшийся еще выше оттого, что волосы его уже начали редеть и, редая,

отступали ото лба. Серые глаза в окружении светлых, почти невидимых ресниц смотрели на окружающий его мир доброжелательно и заинтересованно. Открытая улыбка говорила о спокойном, покладистом характере.

Его спутника звали Эфраим. Умные черные глаза с насмешливой хитринкой в глубине, под густыми, низко опущенными бровями. Крупный нос на гладком смуглом лице. Жесткие иссиня-черные волосы, тугими завитками лежащие на широкий лоб. Высокий рост и крепкие плечи.

В этом году юноши заканчивали занятия в Иерусалимском университете, по курсу Древний Ближний Восток. История их интересовала страстно, и не только древняя. По дороге в Яффо, слушая по радио новости, они узнали о предстоящем визите в Польшу британского историка и самого известного отрицателя холокоста Дэвида Ирвинга, и эта новость повернула их беседу в новое русло.

— Меня всегда очень волновал вопрос соотношения преступных действий человека, как винтика нацистской машины, — говорил Бенья, — и проявлений индивидуальности личности.

— Что ты имеешь в виду, Бенья, — как всегда чуть насмешливо по отношению к собеседнику поинтересовался Эфраим, — под словами «проявление индивидуальности личности»? Нравилось или не нравилось человеку исполнение его обязанностей? Или, проще, получали ли офицеры СС моральное удовлетворение от уничтожения заключенных?

— Да. Я говорю именно об этом. Кстати, Адольф Эйхман уверял, что просто был обязан выполнять правила войны. А следовательно он не столь уж и виновен.

Разговаривающие мужчины страшно сердили идущую впереди них юную шестнадцатилетнюю Яэль. Девушка торопилась, ее манили антикварные лавки Яффо, тяжеловатые терпкие запахи старой мебели, чуть пахнущая затхлой сыростью одежда, необычные, причудливые статуэтки, тусклый блеск старинных серебряных украшений, а брат Бенья и его друг постоянно останавливались и, увлеченные разговором, забывали, зачем они, собственно, приехали.

Идя немного впереди, Яэль поворачивалась и, ожидая, нетерпеливо постукивала ножкой, обутой в модные высокие плетеные туфельки. Светлые шорты открывали намного выше колен стройные ноги. Короткая лофточка без рукавов демонстрировала прожогим гладкий животик. Белая кожа лица отсвечивала на щеках легким румянцем, а небольшой изящный носик был покрыт мелкими, аккуратными, словно нарисованными тонкой китайской кисточкой многочисленными веснушками.

Хорошенькая и избалованная Яэль весь вчерашний вечер мучила маму упреками за отсутствие у нее новых нарядов и оригинальных, не как у всех, украшений, столь необходимых для очередной вечеринки. И наконец, к своей большой радости и удовлетворению, вынудила маму уговорить брата свозить ее в магазины. Все члены семьи — мама и папа, бабушки и дедушки, Бенья — привыкли ее баловать. Она была такой милой, славной маленькой девочкой, которая всех радовала, словечки и выходки которой всех умиляли.

Правда, крошка давно выросла, но этого не замечали и продолжали к ней относиться как к неразумной, но любимой куколке. А куколка между тем становилась все высокомерней, заносчивей и эгоистичней, требовала все больше внимания, постоянно бывала всеми и всем недовольна, позволяла себе грубости.

Как часто такие хорошенькие, юные, всеми любимые девочки незаметно для себя превращаются в вечно недовольных, брезгливо морщащихся женщин, а затем в брюзжащих, сварливых старух. И окружающие недоумевают: — Ну откуда берутся такие гадкие, вредные, ворчащие старухи?

Да уж не из космоса появляются. А из таких вот милых, слишком заласканных, но не слишком умных, эгоистичных девушек.

Ножка продолжает нетерпеливо постукивать, по-детски пухлые губы недовольно поджаты.

— Ну, Бенья. Ну, — в который раз дергает Яэль брата.

— Мы уже почти пришли, и твои украшения, хамуда, никуда не уйдут, — Бенья, как всегда, был мягок с младшей сестрой.

— Не уйдут, — капризно протянула Яэль. Она не выносила, когда ее желания выполнялись не сразу.

— Как мне надоело все эти ваши разговоры, особенно о войне. Зачем о ней говорить?! Только настроение себе портить. Я молодая, я хочу жить и радоваться жизни. Веселиться и не думать о печальном, — и она недовольно передернула плечами.

После этих слов девушки Эфраим остановился посреди тротуара и, засунув большие пальцы рук в карманы брюк, какое-то время с интересом смотрел на девушку, рассматривая ее преднамеренно демонстративно и насмешливо, словно видел впервые, а затем сказал поучительно, как неразумному ребенку:

— Древние говорили, когда прошедшую войну забывают... — он помолчал, сделав для большей убедительности паузу, и строго закончил: — Начинается новая.

От этого презрительно-насмешливого взгляда, от намеренно менторского тона Яэль, рассердившись, вспыхнула, понимая, что Эфраим не слишком высокого о ней мнения и что он не смеется над ней открыто лишь из уважения к Бене. В запальчивости и непременно желая настоять на своем, считая унижительным для себя менторский тон Эфраима, а потому не вслушиваясь в его слова, Яэль заговорила быстро, нервно, спеша ему досадить и не совсем обдумывая то, что говорит.

— Или вот зачем ехать в Польшу посещать концлагерь? Обязательный момент в школьной программе. Может, вам, историкам, это и интересно. А я не хочу. Ничего не хочу знать. Правильно сказал этот... как его, ну сейчас передавали? Возмутительно зарабатывать деньги на концлагере. Что вы на меня так смотрите?

Действительно мужчины смотрели на нее с удивлением, причем глаза Эфраима как бы говорили: «Ну что можно было ждать от этой пустышки?» А доброе лицо Бени несколько болезненно сморщилось и выглядело растерянно-ошарашенным. Какое-то время все трое молчали.

— Сохранение лагерей — это не зарабатывание денег, а предостережение человечеству, — наконец тихо сказал Бенья и добавил с легким укором: — И не стоит, милая, повторять слова Ирвинга, как впрочем, и остальных ревизионистов.

— Ну, вот еще каких-то ревизионистов приплели, — скривила губы Яэль, — а это кто?

— Это те, кто отрицает и холокост и крематории. Правда, не объясняют, куда же в таком случае физически делось европейское еврейство, — насмешливо добавил Эфраим.

Яэль почувствовала, что зашла слишком далеко в своих речах, и, нетерпеливо отмахиваясь, закончила: — Ой, ну жалко их, конечно. Но это так давно было.

Тут они остановились у входа в антикварную лавку, которая тянулась далеко вглубь и, наполненная товарами, казалась необыкновенно загадочной. С потолка свешивались лампы причудливых форм и разных размеров, покрытые то ли благородным налетом древности, то ли слоем современной пыли. Глаза разбегались от множества странных предметов, в изобилии стоящих повсюду, и чудилось, что если хорошо порыться, покопаться в этих восточных вещах, то где-нибудь в забытом пыльном углу вполне можно найти сказочную лампу Аладдина или даже ковер-самолет. У девушки заблестели ее светлые, как воды моря, глаза, и она, прервав свою речь, надолго нырнула в лавку. Хозяин лавки, немолодой араб, с седыми усами, сидевший на стуле возле входа, не спеша встал и проследовал за ней.

— Твоя сестра, разумеется, не желая этого, затронула очень интересные вопросы. Нужно ли людям знание истории? Умеет и хочет ли человечество учиться на ужасах прошлого или предпочитает ничего не знать? И имеет ли историческая память «срок давности»? — задумчиво и строго проговорил Эфраим.

— А ты, мой друг, сформулировал вопросы, на которые можно отвечать всю жизнь, — заметил Бенья, проследив встревоженно-любящим взглядом за сестрой, и, только когда радостно-взволнованная девушка скрылась, повернулся, чтобы продолжить разговор.

Итак, друзья разговаривали, а время между тем шло. Десять минут, пятнадцать, полчаса. Роли поменялись. И теперь ожидающие у входа в лавку мужчины стали испытывать нетерпение, время от времени поглядывая на часы. Наконец, не дождавшись сестры, Бенья вошел в лавку, прошел вглубь, вдыхая странно волнующие запахи старых вещей и ловко увертываясь от свисающих с потолка предметов, и нашел Яэль.

Стоя перед маленьким круглым зеркалом, с трудом нашедшим себе место на пыльном, заваленном товарами столе, девушка примеряла длинные, почти до плеч серьги. Увидев брата, она спокойно вынула серьги из ушей и положила.

— Что, выбрала? — улыбочиво спросил Бенья, показывая ровные белые зубы.

— Нет, — отрезала Яэль. Она демонстрировала свою обиду. Ведь Эфраим представил ее глупой, а Бенья его поддержал, не встал на ее сторону.

— А вот эти, что ты положила на стол? По-моему очень красивые, — примирительно произнес Бенья. В ответ на это заявление Яэль дернула плечом и презрительно хмыкнула, как бы говоря: «Много ты понимаешь». Затем, снисходительно качнув головой, все же объяснила: — Слишком большие и слишком тяжелые. А вот это мне нравится, — и она, раскрыв ладонь, показала кольцо.

На ладонке, тускло отсвечивая, лежало плоское кольцо, формой напоминая обрезок тонкой трубки. Старое серебро потемнело. Кольцо было, видимо, чем-то придавлено и ровная форма круга искривилась. Но, несмотря на это, кольцо сразу привлекло внимание Бени. Он осторожно взял его с ладони Яэль и, держа двумя пальцами, большим и указательным, стал рассматривать в сумрачном свете лавки. Кольцо было покрыто чередующимися разноцветными полосками — желтыми, красными, синими, а на оставшейся свободной серой поверхности темно-синей эмалью был тщательно прорисован глаз и бровь над ним. Сам зрачок был сделан из прозрачного минерала лилового цвета.

— Очень похоже на древнеегипетское украшение, — сказал подошедший к ним Эфраим и взял кольцо из рук Бени. — Глаз Гора. Неплохая копия.

— Почему ты думаешь, что это копия?

— Если это оригинал, то этому кольцу место в музее, а не в лавке старьевщика, — засмеялся Эфраим, отдавая кольцо. — А во-вторых, мне кажется, зрачок всегда бывает непрозрачен. Я не уверен, конечно, но мне кажется, что я первый раз вижу зрачок из прозрачного минерала, да еще такого необычного лилового цвета.

— Меня тоже этот камень чем-то смущает, — Бенья вновь стал вглядываться. — Все кажется, что в глубине зрачка что-то есть, и никак не могу рассмотреть. Надо на свет выйти.

— Беньчик, мне очень хочется иметь это оригинальное кольцо. Но вы своим разглядыванием и заинтересованностью только набиваете ему цену. Смотрите, как хозяин внимательно прислушивается, — вмешалась в разговор Яэль, показывая глазами на хозяина, стоявшего чуть поодаль и терпеливо ожидающего решения клиентов.

— Да, ты права, — улыбнулся Бенья, взглянув на хозяина. — Сейчас заломит, — шепнул он Эфраиму, направляясь спросить о цене кольца. Торг проходил

по-восточному медленно. Взяв в руки кольцо, хозяин достал старый замшевый лоскуток и стал старательно натирать кольцо, сказав, что кольцо очень редкое и что он хочет за него только девятьсот шекелей.

— Всего-то? — засмеялся Бенья. — Да оно же кривое. Я дам тебе пятьдесят.

— Нет. Нет. Что ты? Изгиб можно исправить, — отрицательно замотал головой хозяин и, взяв инструменты, попытался выровнять кольцо, но не слишком в этом преуспел и тогда снизил цену до семисот шекелей.

— Шестьдесят и ни шекелем больше. Идем, сестра, — Бенья сделал вид, что уходит, повернувшись спиной. И хозяин, и сам Бенья словно играли в какую-то игру, и оба наслаждались ею.

— Только для вас пятьсот. Редкий камень — турмалин, — хозяин говорил равнодушно, вроде бы скучая, но сам внимательно следил чуть прищуренными глазами за реакцией слушателей, стараясь выяснить по выражению лиц, понимают ли его покупатели что-либо в камнях или поверят любому важно сказанному слову. Наконец после десятиминутных торгов, жалоб хозяина на трудные времена, на высокие налоги и отсутствие парнасы, то есть дохода, кольцо было продано за девяносто пять шекелей. И каждая из сторон считала, что совершила очень выгодную сделку.

Капризная Яэль, насмешливый Эфраим и довольный собой Бенья вышли из сумрачной лавки на яркий свет улицы и остановились возле входа. И вот тут это и случилось. Бенья все еще держал в руке кольцо и вновь стал его рассматривать. Кольцо ему и нравилось, и не нравилось, вызывая почему-то неясную тревогу, которую он хотел понять, поворачивая кольцо и стараясь заглянуть в лиловую глубину зрочка.

— Что ты все разглядываешь? — поинтересовался Эфраим. — Бровь и глаз означают силу и мощь бога Гора, так считали в Древнем Египте.

— Да-да. Ты прав, — рассеянно согласился Бенья, не прекращая всматриваться в камень. — Бровь и глаз — символ его всевидящей власти. Сила и мощь...

— Ну ты отдашь мне, наконец, кольцо, Бенья? — недовольно перебила его Яэль, испугавшись ученых разговоров. — Я его даже не примерила. Может, оно мне велико.

— Конечно, конечно, — протянул Бенья руку в сторону сестры. Но, отдавая кольцо, Бенья странно чувствовал, что не хочет этого делать и даже задержал его в сжатой ладони, так что девушка удивленно на него посмотрела. Пересилив в себе неопределенные чувства, Бенья отдал сестре кольцо.

Яэль надела его на третий палец левой руки, и кольцо неожиданно оказалось впору и, словно сделанное на заказ, плотно, ровно обхватило палец. Разглядывая покупку, Яэль вытянула руку и чуть поворачивала ее, как всегда делают девушки, рассматривая и любясь кольцом. Гладко отполированный камень, выточенный кабошоном*, вдруг внезапно, словно поймал луч солнца, ярко вспыхнул лиловым блеском. Из глубины прозрачного зрочка что-то поднялось к его поверхности, и холодеющей от неясного предчувствия Яэль показалось, что из лилового камня кто-то на нее недобро глянул. Она мотнула головой, отгоняя наваждение и, повернувшись к брату, хотела сказать тому: «Посмотри», — но не успела и стала падать, теряя сознание и погружаясь в полную темноту. Она не чувствовала, как ее, падающую, успел подхватить мгновенно среагировавший Эфраим, не видела, как засуетился Бенья, пытающийся привести ее в чувства, как торопливо вынес воды хозяин лавки, как обступили доброжелательные словоохотливые прохожие. Она

* Кабошон — техника обработки каменного материала, при которой камень приобретает гладкую округлую поверхность без граней. Один из древнейших способов обработки камней.

полулежала на древних камнях тротуара, Бенья бережно поддерживал ее голову, но Яэль окружала тьма, густая и однообразная, как придвинутый к глазам гладкий лист черной бумаги.

Далеко-далеко вдали, ослепительно светлая на фоне сплошной черноты, застыла маленькая точка и стала стремительно приближаться. Все ближе, ближе, вот она приблизилась вплотную к глазам. Глазам стало нестерпимо ярко. Яэль их открыла и очнулась. Она стояла в тесной толпе женщин, сжатая со всех сторон чужими телами. В нос ударил запах невымытых тел, застарелого пота, мочи, грязных волос. Ей показалось, что она сейчас задохнется. И тут с еще большей гадливостью Яэль почувствовала, что стоящая рядом женщина мочится, капли мочи падают и ей на ноги, а она не в силах ни отодвинуться, ни убрать свои ноги. Ничего не понимая, Яэль начала инстинктивно дергаться, толкаться, стремясь освободиться, освободить пространство вокруг себя. Быстрыми судорожными вдохами втягивала в себя мерзкий воздух, задыхаясь, отчаянно хватала его ртом. Воздух. Воздух.

— Как хорошо, что ты очнулась, — услышала она тихий голос возле уха. — Я так боялась, что ты не придешь в себя.

Яэль почувствовала на своей талии чужую руку, которая пыталась дружески поддерживать ее, хотя, сдавленная со всех сторон, девушка и так не могла упасть.

— Где я? — слабым голосом спросила Яэль.

— Забыла, — догадалась девушка и стала терпеливо, как ребенку объяснять: — Это от беспамьятства, от голода. Мы в вагоне. Уже три дня. Ну, вспомнила?

— Каком вагоне? — силилась хоть что-то сообразить и понять Яэль.

— В скотском, в скотском вагоне, — печально ответил кто-то из стоящих сзади.

— А ты кто? — продолжала выяснять Яэль.

Сквозь маленькое зарешеченное окошко пробился слабый свет, и Яэль наконец разглядела девушку. Худенькая незнакомка с бледным, смертельно уставшим лицом, на котором, казалось, остались только огромные черные глаза. Темные волосы сбившимися, нерасчесанными прядками свисали на плечи.

— Я Анна. Анна из Варшавы. Мы... — но тут ее перебили и отвлекли измученные голоса других женщин, стоящих в вагоне.

— Стоим. Приехали, наверное, — задумчиво проговорили из угла, лица говорившей не было видно.

— Крики. Вы слышите крики? — испуганно раздалось за спиной девушек.

— Подходят.

— Где мы?

— Скорей бы. Умираю. Хоть глоток воды.

— Куда нас привезли? Вы знаете, куда нас привезли? Куда нас привезли? Что же с нами будет? — истерически взвизгивала стоящая рядом с Анной полная женщина невысокого роста со сбитой набок прической.

Это все, что могла разглядеть со своего места Яэль. Лица остальных терялись в темноте неосвещенного вагона. Кто-то тихо заплакал, кто-то зарыдал во весь голос.

— Что же с нами будет? — с замиранием сердца спрашивала себя каждая несчастная в вагоне. Дверь товарного вагона резко и со стуком отъехала в сторону. В вагон ворвался ослепляющий свет прожекторов, устрашающий лай рвущихся с поводков собак, пугающие до дрожи выкрики резких, лающих команд. Судорожно открывая рты, как выброшенные на берег рыбы, женщины втягивали в себя сырой, холодный ночной воздух. Какие-то люди, одетые в полосатые одежды, стали тащить

женщин из вагона, для убедительности помогая себе дубинками. Пол вагона находился высоко над платформой, и Яэль, с трудом прыгнув вниз, упала и больно ударила ногу. Но ей не дали даже погладить больное место. Крики, толчки, удары дубинками погнали ее вперед. В спину толкали и напирали бегущие сзади. Рядом, задыхаясь, спешила Анна, стараясь не отстать, иногда хватая растерянную Яэль за руку. В этой толчее Яэль выделяла только лицо Анны, все остальные лица сливались в одно безумное лицо с вытаращенными от испуга глазами, с раскрытым, исходящим криком ртом.

— Где я? Где я? — шептала на бегу Яэль. Этот вопрос ни к кому не относился, его никто не слушал да и не слышал. Несколько раз она пыталась остановиться, оглядеться, спросить, закричать, но ее тут же толкали, гнали вперед, как и всех остальных. У нее замирало и обрывалось сердце от необъяснимого жуткого страха. Она пыталась и не могла вспомнить, как с радостной израильской улицы, залитой теплом и светом, очутилась здесь в ночи, в толпе обезумевших людей, которых гнали вперед словно стадо животных. Девушка дрожала, как в лихорадке. И вдруг она поняла.

— Это же телевизионный розыгрыш, — закричала она, стараясь перекричать остальных. — Ну да, иначе и быть не может. Где же камеры? — и засмеялась, увидев при этом, что Анна быстро и странно взглянула на нее.

— Какие камеры?

— Как какие? Телевизионные, конечно. Но гадкий, гадкий розыгрыш. Я буду жаловаться. Я подам жалобу в суд.

На ее слова не обращали внимание. И только Анна с сожалением несколько раз посмотрела, решив, что Яэль не выдержала напряжения минуты и стала заговариваться. Крик, плач, визг, лай. Колонна остановилась. Женщинам начали стричь волосы. Увидев это, Яэль на мгновение остолбенела, затем бросилась из колонны.

— Куда ты, куда? — закричала Анна. — Убьют, собаками затравят.

— Не имеют права. Я свободный человек. Я израильтянка, — высокомерно крикнула Яэль.

Но она не успела выскочить из толпы, за порядком хорошо следили.

— Запрещено, — свистнула трость. Яэль вскрикнула, споткнулась, упала. Двое полосатых схватили ее и, как она ни старалась вырваться, как ни кричала, что она израильтянка и живет в демократической стране, ничего не помогло. Она успела обратить внимание, что все одетые в полосатое надсмотрщики странно равнодушно, безучастно скользят по лицам женщин, словно стараясь не зацепиться взглядом, не взглянуть в глаза, ничего не запомнить.

Безжалостно и грубо стали стричь ее чудесные огненные волосы. Они падали яркими волнами на цементный пол, смешиваясь с черными, каштановыми, белокурыми волосами. Яэль рвалась и сопротивлялась только до первой пряди. Увидев эту первую упавшую к ногам прядь, она словно потеряла силы сопротивляться и заплакала навзрыд. Слезы текли горькими крупными каплями, и волосы, слетая с головы, прилипали к губам, щекам, кололи шею и грудь. Все кончено. Яэль отпустили. На секунду оставшись одна, она со страхом, трясущимися руками прикоснулась к голове, и руки не узнали ее, наткнувшись вместо привычной шелковой волны на какую-то чужую, противную колючесть. Потеря роскошных волос для девушки была почти равносильна смерти.

— Анна, — захлебываясь слезами, закричала она, почувствовав жгучую необходимость увидеть хоть одно знакомое лицо. Теперь она поняла, почему Анна так старалась держаться с ней рядом. И как невыносимо тяжело быть одной. Но все стоящие впереди женщины были с пугающе одинаковыми голыми черепами, чужие и незнакомые.

— Анна, — всхлипнула Яэль в страхе, что потеряла уже и эту девушку. К ней метнулась худая незнакомка с вытянутым продолговатым черепом и большими темными затравленными глазами. Лишь по глазам они узнали друг друга и, запоминая новый облик, встали рядом, держась за руки.

— Где я? Где я? — опять зашептала Яэль, но их погнали дальше к цементному домику. Последовал приказ: «Раздеваться».

Опешив, женщины застыли на месте. Как раздеваться? Перед мужчинами? Потешаясь над их еще не потерянной стыдливостью, дюжий полицей с молодым гладким наглым лицом, схватил стоящую возле него девушку и стал срывать с нее одежду, не обращая внимание на плач. Увидев это, все начали раздеваться. Яэль сняла шорты, кофточку. Аккуратно сложила их на свои босоножки. Осталась в кружевном шелковом белье.

— Все снимать. Душ, — рванул с нее бюстгальтер надсмотрщик в полосатой форме, и она с удивлением увидела в его глазах что-то похожее на ненависть.

Он словно торопился быстрее закончить процедуру, не хотел думать, в чем он участвует, и ненавидел тех, кому был вынужден причинять боль.

Тоненькая, стройная, с белым гладким юным телом Яэль потрясенно стояла, даже не закрываясь руками, среди толпы раздетых женщин. Совсем молодых и постарше, с кожей разных оттенков, худеньких, с фигурой мальчишек, и полных, с широкими бедрами и тяжелыми грудями. Все они, раздеваясь, копошились, напоминая не людей, насекомых — своими гладкими головами, голыми телами, двигающимися руками, ногами.

И оттого, что и она была частью этого клубка человеческих тел, Яэль неожиданно затошнило, все поплыло перед глазами. Ей показалось, что она уже где-то все это видела. И ей стало страшно.

Стоя босыми ногами на цементном полу душевой, Яэль увидела в небольшое окошечко, как подошедший мужчина повернул кран и на них сверху обрушились жесткие струи холодной воды. Мылись без мыла, полотенец также не было. При выходе дали старую лагерную одежду. После нервных криков о розыгрыше и горьких слез по поводу потери волос Яэль впала в какое-то оцепенение. Она молча натягивала на мокрое тело заношенные вещи, и, хотя они пахли дезинфекцией, ей все равно чудился запах чужого пота. Старая грубая ткань противно прилипла к влажной коже.

На платье, сшитом просторным мешком, чередовались две полоски — белая и синяя. На левой груди и правом рукаве нашиты желтые треугольники, объясняющие всем, что она еврейка. В полосатом платье, в стоптанных, больших по размеру, задубелых внутри и снаружи башмаках, которые соскакивали при ходьбе и тут же натерли нежную кожу ног, с остриженной колючей головой, повязанной белой косынкой, Яэль уже не чувствовала себя той прежней, юной, хорошенькой. Обожженное дезинфицирующим раствором тело горело, но еще тяжелее были перенесенные издевательства и унижения.

Она уже не шептала вопросы, у нее не было сил спрашивать и не было ни минуты обдумать свое положение. В голове пробегали несвязные мысли, но ни одна из них не оформилась до конца.

Выстроенные рядами по пять человек они подошли к высоким решетчатым воротам. За ними шла широкая улица, вдоль которой стояли аккуратные двухэтажные дома из красного кирпича. Высокие деревья успокаивающе, словно в парке, шелестели мокрыми после дождя пожелтевшими осенними листьями. Кое-где виднелись клумбы с цветами. И только неприятный запах гари, странно осаждаясь в горле, портил эту почти идиллическую картину. Над воротами шла надпись по-немецки.

— Труд освобождает, — перевела Анна и вся словно застыла.

— Что это за место? — спросила Яэль.

— Крепись, Яэль. Это Аушвиц.

— Что ты хочешь сказать, что это концлагерь? — удивленно прошептала Яэль. Анна утвердительно кивнула.

— Никак не могу понять. Может, это съемки фильма? — она с надеждой на положительный ответ заглянула Анне в глаза и, не найдя в них подтверждения своим словам, все же возмущенно закончила: — Разве я давала разрешение? Я не хочу участвовать. Я хочу уйти.

Анна устало молчала. Яэль хотела выйти из ряда, но она уже помнила, как ее схватили, и не решилась. И вдруг совершенно безумная, ирреальная мысль мелькнула у нее. От этой мысли у девушки на мгновение остановилось дыхание, безмерно расширились серо-зеленые глаза, и, повернув голову к Анне, она, с трудом сглотнув комок в горле, прошептала:

— Какой сейчас год?

— Сорок второй, — меланхолично ответила Анна, думая о чем-то своем. Ответ Анны словно ударил Яэль по щекам.

— Тысяча девятьсот сорок второй? — еле слышно уточнила Яэль.

Анна кивнула, она уже привыкла к странным вопросам и поведению девушки.

— Но этого не может быть, — убежденно произнесла Яэль и покачала головой, — этого просто не может быть! Не может быть.

При этом она вглядывалась в лицо Анны, пытаясь найти хоть малейшее свидетельство несерьезности происходящего. Но не находила. Перед ней было бесконечно измученное лицо с темными кругами под печальными глазами и никаких следов розыгрыша.

Колонну развернули, и Яэль увидела немецкого офицера в серой отглаженной форме. Широкие галифе заправлены в начищенные до блеска сапоги, на фуражке эмблема мертвой головы — знак СС. Постукивая хлыстом по голенищу сапога, офицер прошел вдоль рядов, затем остановился и начал говорить.

В званиях немецкой армии Яэль не разбиралась, но по отношению к нему других офицеров, вооруженных автоматами солдат, надсмотрщиков в полосатой одежде и с дубинками в руках, поняла, что этот человек обладает большой властью.

— Начальник лагеря, — уважительно объяснил стоящий чуть поодаль надсмотрщик-капо, с сытым лицом и безжалостными глазами, ни к кому конкретно не обращаясь. На его полосатой одежде узника были нашиты зеленые треугольники, знак того, что он из уголовников, а черная повязка на рукаве объясняла, что он занят в лагере административной работой.

Оглядев стоящих перед ним замерших людей высокомерным брезгливым взглядом, начальник лагеря заговорил, и его краткая речь повергла всех в шок. Он говорил громко, весомо и медленно чеканя слова, каждым словом лишая прибывших узников всякой надежды на жизнь:

— Вы приехали сюда не в санаторий, а в концентрационный лагерь, из которого только один выход, — начальник лагеря сделал паузу и жестко закончил: — Через трубу! Если это кому-то не нравится, может хоть сейчас броситься на проволоку. Если в эшелоне есть евреи, то они не имеют права жить больше двух недель. Если ксендзы, то им дается один месяц, остальным — три месяца.

Конец этой первой страшной ночи женщины провели уже в бараке. Когда новеньких ввели в барак, Яэль увидела трехъярусные деревянные нары, уходящие двумя рядами в глубину помещения. Ощутила тяжелый запах сырости, пота, менструаций, болезней, грязных тел сотен людей.

— Быстро лечь, — приказала Магда, старшая по бараку. Рослая, неопределенного возраста женщина с крепким жилистым телом, светлыми волосами и выцветшими голубыми глазами. Нашитая на ее одежде буква «Р» указывала на то, что она родом из Польши.

Анна послушно прошла вперед и, согнувшись, присела на одну из ближайших свободных коек. На каждой койке спало по шесть человек. На шесть человек было два одеяла, а потому спать надо было, тесно прижавшись друг к другу.

— Иди сюда, Яэль, — позвала Анна подругу, но та замерла у порога, потрясенная увиденным, и замотала головой.

— Нет, нет. Я не должна быть здесь.

— Никто не должен, — мрачно глядя на девушку, сказала Магда.

— Но я из другого времени... — она не успела договорить и объяснить, прерванная грубым окриком Магды:

— Заткнись! Двадцать пять ударов за крики после отбоя, — и, рванув Яэль за руку, Магда протолкнула ее вперед. — Не будешь выполнять, пойдешь в «газ»! Поняла?

Сдерживая обиженные слезы, с трясущимися по-детски губами, с трудом преодолевая брезгливость, бочком, бочком Яэль прилегла рядом с Анной. Солома в матрасе, на котором они лежали, давно перетерлась в труху, и лежать было очень жестко. Деревянные серые стояки нар источали мерзкий запах старой пепельницы. В дальней полутьме барака тихо, но безостановочно плакала женщина. Ее плач, больше похожий на скулеж больного щенка, наполнял душу невыносимой тоской. Барак был полон звуков. Люди во сне стонали, кашляли, кричали. Но теперь, предоставленная самой себе, Яэль могла хотя бы размышлять и обдумать произошедшее. «Что же все-таки произошло? Как я могла попасть почти на семьдесят лет назад из современного Израиля в нацистскую Германию. Если это не розыгрыш, не съемки фильма, то тогда, наверное, я сплю».

И, как все сомневающиеся в реальности, Яэль ущипнула себя за ногу. Впрочем, в этой уже ставшей классической проверке не было особой необходимости. Плечо и так болело от удара хлыстом, кожа продолжала гореть от дезинфекции, стриженная голова неприятно мерзла и колола руку, когда девушка до нее дотрагивалась. Но сильнее физической боли были унижения, растоптанное человеческое достоинство, превращение ее из свободного человека в бессловесную тварь не нужнее мухи. Душа ее нескончаемо ныла, исцарапанная издевательствами.

«Итак, я не сплю, — продолжала размышлять девушка. — Все реально, даже слишком реально. Я потеряла сознание и очнулась уже здесь. Но почему я потеряла сознание? Никогда со мной этого не случалось. Вспомню все по порядку. Бенья купил мне кольцо. Мы вышли из лавки. Все было как всегда. Я надела кольцо на палец, оно красиво сверкнуло на солнце. Потом мне показалось, что из глубины камня на меня кто-то смотрит, я хотела всмотреться и дальше ничего не помню. Темнота. Да было так. Может, все дело в кольце? Действительно, оно какое-то необычное. После того, что произошло, я могу поверить всему». Яэль машинально провела ладонью по левой руке и с изумлением поняла, что кольцо до сих пор надето на палец. Отняли все. Одежду, украшения, волосы, имя, оставив лишь номер на предплечье. И тут оказывается, что кольцо еще на пальце. Яэль попыталась кольцо снять, но оно словно вросло в кожу. Снять его не было никакой возможности. Яэль крутила его, слюнявила палец, опять крутила. Бесполезно.

— Поспи, — услышала она тихий шепот Анны у своего уха, почувствовала, как та обняла ее своей худенькой рукой. От тела Анны исходило приятное, успокаивающее тепло, и Яэль замерла, благодарная ее словам, тому, что она вообще есть, здесь рядом. Из глаз Яэль беззвучно потекли слезы, стекая по щекам, капали

на драное подобие подушки. Она плакала и плакала и не заметила, как задремала. Пробуждение было ужасным. Их подняли в пять часов утра и погнали строиться на аппельплац. Пересчитывали всех узников. И это тянулось нескончаемо долго. Иногда Яэль казалось, что она не достоин до конца проверки и упадет здесь же на плацу. Ее мутило от усталости и голода. «Должны же дать хоть что-то на завтрак, — думала девушка, стараясь не заснуть стоя». Держать глаза открытыми было мучительно, и стоило ей огромных усилий. Наконец проверка закончена и ожидаемый завтрак получен — теплая жидкость без определенного цвета и запаха, называемая чаем. Яэль долго смотрела в свою кружку, не решаясь пить эту бурду.

— Привыкнешь, — жестко, даже неприязненно сказала Магда, наблюдая за Яэль. — Еще и добавки просить будешь. А не будешь, ослабнешь, станешь доходягой и пойдешь в «газ», — мрачно пугала она девушку.

От ее слов Яэль вздрогнула и, закрыв глаза, выпила жидкость. Яэль уже поняла, что Магда была совсем не плохой женщиной и пугала специально, думая, что так она поддерживает в узниках силы к борьбе за жизнь. Между тем Магда, оглядев быстрым взглядом фигуру и лицо юной девушки, такое милое, с еще не исчезнувшим румянцем, с чистыми серовато-зелеными глазами, напоминающими цветом море, с трогательными мелкими веснушками, с сожалением представила себе, какой она станет через совсем недолгий срок, и отвернулась. Но, отводя глаз, старшая заметила какой-то блеск на левой руке девушки и, вглядевшись, с удивлением увидела кольцо.

— Сними сейчас же. Ты что, с ума сошла? — проговорила она.

— Не снимается, — испуганно ответила девушка, и глаза ее расширились.

— Не снимается? — зло переспросила Магда, приближаясь к Яэль и угрожающе нависая над ней своим массивным мосластым телом.

— У одной тут тоже не снималось золотое обручальное кольцо, ну просто вросло в тело за много лет. Как назло, его заметила... — Магда оглянулась и, удостоверившись, что ее слушают только Яэль и Анна, продолжила: — Эта толстозадая сука Эльза. Вот этого кольца ей только недоставало. Она вызвала доктора. Тот вынул с чемоданчиком. Вынул шприц, сделал обезболивающий укол. Женщина сидит спокойно, думая, что врач кольцо распилит, а доктор достал щипцы и быстро откусил женщине палец вместе с кольцом. Та пикнуть не успела, тут же в обморок и свалилась. Врач, сволочь, кольцо снял, а палец брезгливо на землю бросил. Ты что, этого хочешь?

— Нет, что ты, Магда. Я сниму. Сейчас же сниму.

Но кольцо не снялось, сколько девушки ни старались. Тогда Анна, найдя какой-то лоскуток ткани, обмотала его вокруг кольца, а повязку запачкали глиной, чтобы в глаза не бросалась.

Обоих девушек отправили работать на огород. Стоял сентябрь, после прошедших дождей почва размокла, ноги проваливались в грязь и холодели до ледяного состояния.

Анна начала кашлять, особенно по ночам, когда наконец они согревались под одеялом, прижавшись к друг другу. Лечить кашель было нечем. Яэль пробовала растирать Анне спину, ноги. Но это помогало плохо. Голод мучил постоянно. Днем на обед давали суп из крапивы, со странным вкусом и запахом, на поверхности его плавали редкие желтые кружочки маргарина, а дальше баланда состояла из воды, воды и еще раз воды. Крапива для супа росла вокруг барачков, и заключенные находили в себе силы шутить, называя ее витамином СС. Брать овощи с огорода каралось смертной казнью, и все же иногда Яэль или Анна умудрялись пронести маленький клубень картофеля.

За несколько дней, что Яэль провела в лагере, ее прошлое отодвинулось в недосягаемую даль. И не потому, что было много событий. Нет, жизнь в лагере была скорей однообразна. Однообразно полна страданий. Страданий от постоянного голода, когда только и думаешь, где бы достать что-нибудь хоть относительно съедобное, чтобы можно было это сжевать. От холода, от которого, казалось, уже никогда не сможешь согреться. От страха смерти, проникшего во все уголки твоего тела и заставляющего его трепетать от каждого окрика. От страха заболеть и превратиться в высохшую развалину с покрытой язвами кожей и выпавшими от цинги зубами. От ужаса, что вдруг вечером силой уташат для развлечения полиция или уголовники из охраны. Яэль уже видела утреннее возвращение этих несчастных, истерзанных до предела девушек с опухшими от слез и ударов лицами, и содрогалась от унижительного состояния бесправности, беззащитности перед каждой тварью, вообразившей себя сверхчеловеком, от невозможности сопротивляться, а еще больше от невозможности отомстить. И она перестала вспоминать родителей, брата, Израиль. Слишком это было больно. Перестала задумываться о том, как очутилась здесь. Как и все узницы, она старалась выжить. Ее грела надежда, что должно же это когда-нибудь кончиться. Плохо зная историю, она не помнила, когда освободили узников Аушвица. И если бы ей сказали, что это произойдет только в январе 1945-го, она пришла бы в неопишемый ужас. Однажды вечером по бараку поползло слово «Селекция», приводя старожиллов в страх и волнение.

— Что это такое? — тихо спросила Яэль, наблюдая нервный испуг в бараке.

— Не знаю, — и Анна, слегка дернув за спущенную ногу сидящую на верхнем ряду пожилую женщину, спросила: — Хана, что такое селекция?

Хана сидела, прислонившись к столбу, и казалась безучастной. Просторное полосатое платье натянуто на острое правое колено, которое она обхватила тощими руками. Ее волосы, серые, покрытые сединой, словно присыпанные пеплом, отросли неровными прядями и неопрятно торчали из-под съехавшего с головы платка. По изможденному бледному лицу вдоль впалых щек и на лбу пролегли глубокие морщины. Губы были покрыты болячками, во рту не хватало зубов. Скорбный взгляд огромных потухших глаз переместился из неопределенного пространства, куда он был устремлен, на ожидающих ответ девушек.

— Не знаете? Я скажу, — проговорила она хриплым голосом, такая маленькая, съезженная, исковерканная, словно воробей, придавленный кошачьими зубами. — Завтра будут отбирать, кому можно еще пожить и помучиться, а кому пора сдохнуть и, сгорев, вылететь в трубу. Селекция. Дерьмо, — она помолчала и, взглянув в застывшие лица девушек, добавила: — Видно, мой срок подошел. Вы думаете, сколько мне лет? Вы думаете, я старая? А мне всего двадцать девять. Да, двадцать девять, — повторила она, заметив недоверие на лицах. — Сгубили жизнь, — с горьким надрывом произнесла она и опять замолчала, опустив голову на колено.

Селекция — такая мирная, такая далекая от войны наука о методах улучшения сортов растений или пород животных. Селекция — в основе которой лежал искусственный отбор. Человек отбирал растения или животных с интересующими его признаками. Что в этом особенного? Но никогда уже слово «селекция» не будет звучать мирно. Всегда от слова «селекция» душа в первый момент будет вздрагивать и вспоминать о нацистских концлагерях и газовых камерах. Это слово словно навечно пропиталось жутким запахом горящих тел. Употребление слова «селекция» по отношению к людям уже было унижением, уже ставило их на уровень животных, а то, что под этим подразумевалось, было просто непередаваемым. Объятые тревогой и страхом девушки заснули лишь перед рассветом. Три свистка, раздавшиеся, казалось, возле уха и означавшие подъем, выхватили их из сна. Процедура, их ожидавшая, была проста и до мелочей отработана. Женщин

заставили раздеться, окатили холодной водой и построили в очередь к офицеру. Высокий холеный офицер в опрятном сером мундире, с начищенными эсэсовскими эмблемами и черепом на фуражке, довольный собой, курил сигарету, держа ее в левой руке, а правой, затянутой в белоснежную перчатку, небрежно вершил людские судьбы, указывая подходящим по очереди женщинам, куда им сворачивать.

Направо — и это означало возвращение в барак и жизнь, жизнь до следующей селекции. Или налево — и это уже означало отправку в газовую камеру, смерть и сожжение в крематории.

Стоя в двигающейся очереди, казалось, переставших дышать женщин, которые со страхом и трепетом ожидали решения своей судьбы, Яэль смотрела в лицо офицера и не видела в нем ни тени переживаний или сомнений.

«О чем рассуждали тогда Бенья и Эфраим? — вспомнилось ей. — О степени вины. Кто виновен? Только те, кто отдают чудовищные приказы или и те, кто их так старательно, с готовностью выполняют? Вот он стоит живой пример старательного исполнителя — чистенький, спокойный, уверенный в себе и с правом, которого ему никто не давал, дирижирует. Вправо. Влево. Жизнь. Смерть. Сам дьявол не осмелился бы на такое! И пусть никто и никогда не утверждает, что он и такие, как он, были лишь «жертвами обстоятельств». Вранье. Жалкое вранье».

Скользнув по Яэль быстрым взглядом, офицер махнул вправо. Девушка шагнула было в сторону, как вдруг увидела, что следующий его взмах показал налево. А следующей в очереди шла Анна.

— Нет, нет, — задыхаясь от страха, крикнула Яэль, бросаясь к Анне,

— Она здорова, герр офицер, она еще может работать, герр офицер, пожалуйста-а-а.

Офицер на мгновение брезгливо скривил губы. И тут же подскочивший капо крикнул:

— Запрещено, — и стал наносить удары дубинкой, оставляя на голом теле Яэль красные следы.

Девушек растащили. Появившаяся Магда демонстративно дала Яэль пощечину, шипя при этом:

— Что ты делаешь? Что им стоит затолкать тебя налево. Хочешь в трубу вылететь?

У всех отправленных налево переписали номера и отправили в барак до следующего утра. Можете вы себе представить, что испытывали девушки, одна из которых должна была завтра отправиться в камеру блока одиннадцать, в «блок смерти», а другая теряла преданного друга, единственную опору и оставалась одна. Они лежали рядом, последний раз согревая друг друга, в ночном бараке, наполненном неясными шорохами, кашлем, несвежим дыханием сотен людей.

— Давай убежим, — сжимая руку Анне, горячо шептала Яэль. — Мы им не мыло так с нами обращаться.

— Два ряда колючей проволоки. Ток. Ров с водой, — Анна грустно гладила Яэль по плечу. — Нет, это невозможно.

— Надо попробовать, — убеждала Яэль.

— Даже если чудо произойдет, и мы найдем лазейку и вырвемся отсюда, за наш побег казнят десятки других из нашего барака.

Услышав такое, Яэль сникла и задумалась, глядя в темноту и нервно кусая заусеницы на пальцах: «Что делать? Что делать?» — стучало у нее в голове. Анна тяжело вздохнула и продолжила:

— Да и куда мы пойдем в своих арестантских платьях. Вокруг лагеря польские крестьяне. Они не будут помогать. Они нас сразу сдадут нацистам. А это пытки и опять смерть, только еще более мучительная.

Утром Яэль отправили на работу, а когда она вернулась, Анны в бараке уже не было. Яэль не могла найти себе место. Она обвиняла себя в том, что не сумела найти выход и спасти подругу, сожалела, что при прощании не сказала Анне, как много она для нее значит.

Не имея сил находиться в бараке, Яэль пошла к блоку номер одиннадцать и долго стояла в стороне, спрятавшись за угол барака в безумной надежде на чудо. Вот сейчас откроется дверь, выйдет Анна. Скажет: «Все отменяется». Они возьмутся за руки и пойдут в барак. И будет уже не так страшно и одиноко. Чудо не произошло, и тогда Яэль побрела к крематорию. Еще раз, один раз увидеть Анну.

Она шла медленно и осторожно, стараясь избегать освещенных мест, далеко обходя сторожевые вышки с охраной, затаив дыхание и выжидая, пряталась за углами барачных корпусов. Не приближаясь к рядам проволоки, которые хорошо освещались ночью, она остановилась поодаль, надеясь, что ее не заметят. Из трубы крематория взлетали в темное осеннее недоброе небо и метались ветром длинные языки пламени, шел густой дым. Печи работали. Яэль стояла и тихо плакала, у нее было такое чувство, словно она стоит на кладбище, перед свежей могилой близкого человека, когда горечь потери, невозвратимость прошлого и невозможность что-либо изменить разрывают сердце. Девушка начала неистово молиться:

— «Шма, Исраэль» («Слушай, Израиль»), — страстно неслась к небу важнейшая еврейская молитва, — Господь — Бог наш, господь один! И возлюби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всей душой твоей, и всеми силами твоими».

Она читала на иврите, закрывая глаза, раскачиваясь и прерывая молитву рыданиями. А дым все шел и шел, и измученной Яэль стало казаться, что она видит в дыму бледное, худенькое, усталое лицо Анны, с огромными страдающими глазами. Вот это лицо тускнеет, расплывается, рассеивается и навсегда исчезает вместе с дымом в равнодушном к человеческому горю вечном звездном небе. От порывов студеного ветра кожа ежилась и покрывалась пупырышками, текущие из глаз слезы стыли и, казалось, превращались в льдинки. Колени дрожали мелкой дрожью. Холодно. Ах, как холодно и как одиноко!

За несколькими рядами ограждения из колочей проволоки слышались громкие отрывистые команды, свистки надсмотрщиков, лай овчарок, автоматные очереди. Подобное Яэль уже видела, и сначала ее глаза только метались по толпе, выискивая Анну, и как бы не замечали происходящего. Но постепенно она поняла то, что происходило там за проволокой. А поняв, содрогнулась. Вся эта толпа, все эти сотни людей, все эти беспокойно озирающиеся мужчины в темных пальто с чемоданами или саквояжами в руках, нервно вскрикивающие в испуге потерять детей женщины, с нелепо висящими на сгибе локтей неуместными здесь дамскими сумочками и съехавшими набок кокетливыми шляпками, жалобно, разрывающе душу жалобно плачущие младенцы, замученные растерянные дети с не по возрасту взрослыми глазами, все эти люди с желтыми звездами на одежде не попадут в лагерь. Они только думают, что направляются в душ, но идут сразу в газовую камеру. Эсэсовцы быстро, четко, отработано, бездушно и, главное, спокойно, прямо на глазах ликвидируют целый поезд с людьми. Ничьи имена и фамилии преднамеренно не записываются. Были эти люди или не были? Пепел не ответит. Ужас осознания происходящего мгновенно выбил из тела Яэль холод. Пот страха потек по лицу, по спине, из-под мышек на бедра. Смешиваясь с начинающим моросить дождем, тяжелил платье.

Опухшие от слез глаза Яэль неожиданно увидели юношу. Он выделялся среди всей этой издерганной, нервной, измученной толпы каким-то неожиданным спокойствием и благородным достоинством. Высокий, худощавый, в удивительно опрятном темном костюме и светлой рубашке, с бледным одухотворенным лицом

в обрамлении черных кудрей, юноша держал футляр со скрипкой, прижимая его к себе. Сделав шаг в сторону, он постарался найти глаза охранника в полосатой одежде и, встретив сумрачный взгляд, спросил: — Скажите, пожалуйста, куда насведут? — черные глаза смотрели напряженно и ожидающе.

Со своего места Яэль видела красивое лицо юноши и тяжелую спину молчащего охранника. Охранник не говорил ни слова. Лицо юноши дрогнуло, выражение проницательных глаз стало строгим. Надменно-гордым жестом вскинув голову и проговорив лишь одно слово: «Понятно», — он повернулся, чтобы двинуться дальше. В этот момент взгляд его глаз прошел по рядам колючей проволоки и неожиданно выхватил там, в глубине, за проволокой, на территории лагеря, женскую фигурку. Он на мгновение замер от этого странного видения.

Забыв об опасности, не отдавая себе отчета в том, что она делает, стремясь лишь лучше разглядеть лицо юноши, Яэль придвинулась ближе к ограждению, и свет прожектора осветил ее.

Полосатое платье узницы, подвязанное на тонкой талии веревочкой, уродливые стоптанные башмаки на ногах, белая косынка, свисающая с левого плеча, трепещущая под порывами ветра, и над всем этим убожеством милое, нежное лицо с распахнутыми глазами и чуть отросшие пушком, как у цыпленка, волосы волшебным образом золотятся в электрическом свете.

Черные глаза юноши смотрели, не отрываясь, словно впитывали это посланное ему в последние минуты жизни фантастическое видение. И Яэль смотрела, не отрываясь, прижав к груди сложенные, как для молитвы, судорожно сжатые руки. И она понимала, что это его последние минуты.

Еще немного и этот юноша с прекрасным лицом принца, талантливый, единственный, неповторимый будет безжалостно, бессмысленно задушен и сожжен.

Это выпадение из реальности не могло продолжаться долго. Вокруг был жесткий свет прожекторов, крики, выстрелы в воздух, побои, брань. Со спокойными лицами наблюдателей стояли подтянутые офицеры, добросовестно ожидая конца хлопотной ликвидации, когда можно будет отдохнуть от трудов тяжких в тишине хорошо протопленных комнат. Устойчиво расставив ноги, замерли солдаты с автоматами наперевес и каменными подбородками. Их мысли блуждают примерно в тех же самых мечтах об отдыхе, который они получат до прихода следующего транспорта. Беснуются страшные лоснящиеся овчарки, обученные рвать человеческое мясо. Капо в полосатой одежде заключенных и жестокими лицами садистов выполняют все, что им прикажут. В этом аду не может быть места человеческим чувствам.

Юношу ударили дубинкой, вырвали скрипку, впихнули в колонну. Яэль не слышала, какое слово шевельнуло губы юноши, но была уверена, что это было слово: «Прощай».

Яэль тоже не могла остаться незамеченной. Она все еще стояла, застыв на месте, а к ней уже медленно, со стороны спины приближались двое. Один из них был полицай «травник»*, одетый в черный мешковатый немецкий китель и такого же цвета брюки, заправленные в сапоги. Круглое славянское лицо с симпатичной ямочкой на подбородке и наглыми серыми глазами было весело. А вторым был унтерштурмфюрер СС — человек молодой, чувствующий себя несколько напряженно.

* Травники — в тридцати километрах от г. Люблина на территории бывшего сахарозавода существовало специализированное заведение, которое обучало профессиональных надсмотрщиков из бывших граждан Советского Союза для охраны фашистских лагерей. Контора называлась «Учебный лагерь СС Травники». (Использована статья «Кузница элитной охраны из коллаборационистов». Сайт, посвященный истории Великой Отечественной и Второй Мировой войнам.)

Сытое лицо полицая плотоядно ухмылялось, и он оглядывался на идущего позади офицера, словно приглашая разделить с ним удовольствие от комической ситуации. Подкравшись сзади к потерявшей бдительность Яэль, полицай схватил ее грубыми руками и заговорил, прерывая речь смехом.

— Смотрят они друг на друга. Ха-ха. Глаз не оторвут. Жидовочка влюбилась. Да он же сейчас в трубу вылетит, твой красавчик. Смотри, смотри, скоро поплывет, — и полицай поворачивал сопротивляющейся Яэль голову в сторону трубы крематория.

— Любви захотела. Получишь сегодня. Ох, сколько любви получишь, — и он гадко смеялся. Сопротивление Яэль его просто смешило, он мог бы сразу его прекратить, достаточно было одного удара увесистого кулака, но он развлекался, да и на девушку у него были иные виды. Марко, так звали полицаю, сразу увидел, что она в лагере недавно, еще чистенькая, не утратила детской округлости, что концлагерь еще не успел наложить на нее свою отвратительную печать.

Подошедший офицер, снисходительно улыбаясь, смотрел на происходящее. Это был высокий блондин с голубыми глазами и умным худощавым лицом. В концлагерь он прибыл недавно, немного нервничал на своей новой должности, еще не привык к повседневной жестокости, и ему даже стало жалко юную девушку. Но что делать? Порядок превыше всего! Она нарушила лагерное расписание и должна быть наказана. И унтерштурмфюрер СС Карл Дитфрид постарался подавить в себе жалость, как ненужное немецкому офицеру расслабляющее чувство.

Полицай Марко ошибался, говоря, что Яэль влюбилась. Это было не так. Глядя на юношу, в котором словно воплотились все лучшие достижения природы и цивилизации — молодость, красота, талант, ум, благородство, одухотворенность, — она впервые остро поняла и как много потеряла нация, и сколь неповторим каждый исчезнувший. Неповторим. Небрежно заламывая руки отчаянно вырывающейся Яэль и приходя от этого в еще большее возбуждение, Марко неожиданно почувствовал на левой руке девушки кольцо, спрятанное под повязкой.

— Что такое? Прячешь золото? — и, размотав грязный лоскутик на пальце девушки, он рывком приблизил ее руку к глазам.

— Кольцо? Запрещено! — и мужчина сдернул кольцо с тонкого пальца. Сколько раз Яэль пыталась его снять и ничего не получалось, а тут вдруг кольцо словно само скатилось в руку Марко. Девушка даже не успела удивиться, потому что в глазах у нее потемнело и она обвисла в руках мужчины. Марко и не думал ее поддерживать. Небрежно бросив потерявшую сознание девушку на землю, мимоходом успев подумать: «Ишь как испугалась», — он повернулся к офицеру и подал ему кольцо на раскрытой ладони. Ладонь у него была широкая, с короткими толстыми пальцами, с темной полоской грязи под неровно подстриженными ногтями. И изящное пестрое кольцо, лежащее на грубой ладони, выглядело необыкновенно красивым, а лиловый камень нежно, притягательно светился. Офицер несколько брезгливо взял кольцо своими длинными тонкими пальцами с отполированными ногтями, стараясь не коснуться грязноватой ладони Марко и, рассматривая, поднес его ближе к глазам.

— Это не золото, — произнес он. Марко почтительно слушал. Он и сам знал, что это не золото. Уж в этом он был специалист.

— Это серебряное кольцо. Тоже является достоянием рейха, — важно произнес унтерштурмфюрер высоким голосом, словно ораторствовал на партийном митинге, и, вынув носовой платок, сбрызнутый одеколоном, завернул в него кольцо, положил находку в карман, поощрительно похлопал Марко по плечу и, повернувшись, пошел, оставив на полицаю наказание девушки.

Марко все это время изображал на своем лице наигранную готовность служить Германии. Его тело наклонилось вперед, а глаза просто ели офицера. Уходящий офицер не видел, как за его спиной постепенно изменялось лицо Марко. Сначала оно искривилось презрительной усмешкой, затем ненавистью, и, смачно сплюнув в сторону, полицией повернулся к лежащей девушке. Хорошенькая девчонка разогля его похоть и... Девушки не было. Несколько опешив, Марко растерянным взглядом оглядел все вокруг, даже позади себя, недоумевая, куда так быстро и бесшумно она могла исчезнуть.

— Вот сука, притворилась. Ну, жидовская морда, найду, живого места не оставлю, — и, разъяренный, он бросился к баракам.

Еще не открывая глаз, Яэль удивилась изменению звуков и запахов. Не было слышно криков, плача детей, лая собак, не чувствовалось жуткого запаха гари. Рядом звучала быстрая речь, шуршание шин проезжающих автомобилей, шарканье ног, стук каблучков. Пахло морем, бензином, бурекасами, духами, городом. И, осторожно, медленно приоткрыв глаза, она выплыла из темноты холодной лагерной ночи на солнечную, беспечную улицу Яффо. Увидела доброе, встревоженное лицо брата Бени, внимательные глаза Эфраима. Почувствовала легкое дуновение ветерка и, повернув голову, встретила решительный взгляд женщины средних лет. Это она обмахивала девушку сложенной вчетверо газетой.

— Ты пила? — без всякого предисловия строго спросила женщина, сдвинув брови так, что между ними пролегла морщинка.

— Нет, — отрицательно качнула головой Яэль, при этом ее роскошные волосы взлетели и рыжей волной упали на плечи. Она изумленно провела по волосам левой рукой, затем правой и опять левой, ощущая кожей ладони шелковистость волос и боясь поверить своим ощущениям.

— Ну что я говорила?! — женщина торжествующе обвела взглядом стоящих вокруг людей, словно кто-то с ней спорил. — Не пила. А надо пить. Надо много пить! — приказала женщина.

— Хорошо, — с готовностью согласилась Яэль.

— Поднимите ей выше голову, — посоветовал мужчина в растянутой футболке и пластиковых шлепанцах, придерживая рукой свой велосипед.

— Лучше положите ей на лоб влажный компресс, — высокомерно проговорила массивная дама с надменным лицом и презрительно добавила по-русски своей спутнице: — Эти израильтяне ну ничего не понимают.

— Да дайте ей уже холодной воды.

Яэль обвела взглядом всех этих чужих, незнакомых людей, с чисто израильским наслаждением дающих советы, и тихо засмеялась.

— Спасибо всем. Я в порядке, — и она встала, продолжая жестом, которого Бени никогда раньше не видел, оглаживать волосы.

— Я давно без сознания?

— Да нет, — неопределенно протянул Бени, следя за сестрой внимательным взглядом. Она спокойно встретила его взгляд и некоторое время раздумывала, глядя в серые глаза, рассказать или нет о том, что с ней произошло. «Лучше как-нибудь потом, — решила она. — Не поверит. Решит, что необходимо показаться врачу. Как-нибудь потом».

— Поедем домой, Бенечка, — вдруг попросила девушка.

— Ты плохо себя чувствуешь? — вновь забеспокоился брат.

— Нет. Просто я соскучилась по маме, — и Яэль чуть грустно улыбнулась. Мужчины переглянулись. Эта девушка с неожиданно повзрослевшими глазами была странно непохожа на обычную Яэль. Где гримаски недовольства? Где капризы, ворчание, обиженно надутые губы?

— А как же новые серьги? Мы ведь для этого приехали, — попытался вернуться к прежнему насмешливому тону Эфраим.

— Не надо. У меня все есть. Может быть, в другой раз, — не реагируя на насмешливость Эфраима, спокойно ответила девушка и повернулась, чтобы пойти, но потом замерла, глядя на мостовую, и тихо спросила: — Скажи, пожалуйста, Эфраим, когда освободили Освенцим?

Сказать, что Эфраим удивился, — значит, ничего не сказать. Вопрос его изумил, но еще больше озадачил голос, интонация, с какой был этот вопрос задан. Отвечая, Эфраим даже стал слегка заикаться, что с ним никогда не случалось при его насмешливо-дерзком характере.

— Ка-кажется, в сорок пятом русские освободили. Ну, советские войска, — уточнил он.

— В сорок пятом, — задумчиво протянула Яэль, продолжая все так же смотреть на мостовую. — Еще бесконечных три года.

— Какие три года? О чем ты? — спросил Эфраим.

— Так, ни о чем, — Яэль подняла голову, повернулась и пошла, легко двигаясь среди прохожих. В автомобиле она сидела за Беней, молча смотрела в окно на море, накатывающее на берег беспокойные волны и, поглощенная своими мыслями, покусывала большой палец левой руки. Время от времени отрывая взгляд от дороги, Бенья незаметно наблюдал за сестрой в зеркало заднего обзора, пытаясь понять ее состояние.

— А где же твое кольцо? — вдруг спросил он. Словно очнувшись от этих слов брата, Яэль увидела в зеркале его внимательные глаза, перевела взгляд на свою руку и некоторое время смотрела на то место, где когда-то находилось кольцо.

— Да, кольцо, — как-то невпопад произнесла она и опять замолчала, глядя в окно. По ее щеке медленно потекла слеза.

Неужели плачет из-за потери кольца? Быть того не может! Тогда что же? А Яэль в это время вновь думала об Анне и вновь мысленно просталась с ней. «Прощай, моя добрая Анна. Прощай, незнакомый юноша с печальными глазами. Прощайте, все. Я лишь прикоснулась к вашим страданиям, но душу мне опалило. Единственное, что я в силах для всех вас сделать, — это помнить! О всех вас помнить!»

